

УДК 008.009:39 (Национальное и интернациональное в культуре. Национальная идентичность и взаимодействие культур)

**АПОФАТИКА БОЛЕЗНИ.
ЭТОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В СТИХОТВОРЕНИИ С. ЕСЕНИНА
«ВЕЧЕР ЧЕРНЫЕ БРОВИ НАСОПИЛ...»**

© 2021 М.А. Дударева

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2.*

Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин; заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Российский университет дружбы народов.

Москва, Московская область, Россия.

Журнал «Невечерний свет/Infinite».

Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 20.01.2021

Предмет статьи: апофатика болезни. В статье рассматривается, как через художественное произведение реализуется апофатика культуры, а именно: изучается апофатическая сторона феномена болезни. *Объект статьи:* позднее стихотворение С. А. Есенина «Вечер черные брови насопил...». Многие исследователи обращаются к данному лирическому тексту, но рассматривают его только в контексте книги «Москва кабацкая». Однако это стихотворение представляет особую ценность в культурно-философском осмыслении феномена болезни и смерти в русском варианте логоцентризма. *Методология работы:* целостный анализ художественного текста в онтогерменевтическом ключе с привлечением семантического метода исследования. *Результаты:* анализ позднего стихотворения Есенина, выявление его онтологического смысла, этоса жизни и смерти, позволяет поставить вопрос о феномене болезни в поэтике, который носит апофатический характер, что требует дополнительного культурологического комментария. Проведение параллелей с русской сказкой, обращение к ее иномирной парадигме представляется продуктивным, поскольку русский фольклор инспирировал художественное бытие поэта. В русской сказке поиск «иног царства» предполагает разрешение вопроса о временной смерти и возрождении в новом качестве. Обращение к философским размышлениям об аксиологическом статусе болезни немецкого философа Рудольфа Штейнера, чьи идеи были близки представителям Серебряного века, также является продуктивным, поскольку антропософ высвечивает апофатическую сторону болезни, наделяя ее смыслопорождающими функциями.

Ключевые слова: апофатика, болезнь, онтология, творчество С. Есенина, русский фольклор, Р. Штейнер, «Повесть о Петре и Февронии Муромских», демонология.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-87-91

Введение.

Сегодняшний день апофатичен. Распространение инфекции COVID-19 привело к общей танатологизации пространства. Пандемия, по мнению исследователей, мобилизовала «символические, экзистенциальные и биологические иммунные системы человека» [15, с. 7], и «смысл жизни необходимо соотносить со смыслом смерти, который позволяет раскрыть существование человека в полноте его жизни, бытия» [1]. Теперь ученые рассматривают пандемию с метафизических позиций, пытаются выявить *экзистенциальные* основания здоровья / болезни [23, с. 94]. Однако жгучий интерес к проблемам болезни, *измененному* психофизическому состоянию, приводящим к энтропии системы, обозначился давно в работах исследователей гуманитарной сферы. Немало статей по этой проблеме мы находим в связи с художественной культурой, литературой [11]. В последнее время появляются даже отдельные монографии, посвященные проблемам морбуальности в искусстве [24]. Можем говорить об амбивалентном восприятии болезни. С одной стороны, болезнь воспринимается или как наказание за

грех, дурные дела, в христианском мировосприятии, или как зло, в фольклорной традиции, проистекающее от нижнего *потустороннего* мира [25, с. 7–8]. С другой стороны, в той же христианской этиологии болезни одно из назначений недуга — испытание, дар для исправления ошибок [13, с. 34; 21, с. 38]. Еще Н. В. Гоголь в своей заметке с характерным названием «Значение болезней» писал о высоком смысле всякого недуга [7, с. 229]. Не углубляясь в теологическую историю вопроса, обратим внимание на очевидное качество болезни — ее *апофатическую* сторону.

Материалы и методы.

Апофатическую сторону болезни можно выявить и постараться постичь через отечественную словесную культуру, чей танатологический опыт так или иначе сопряжен с морбуальными, предсмертными состояниями героев. Таким образом, предметом нашего исследования выступает *апофатика болезни*, реализующаяся в концепции жизни — смерти в русской художественной мысли. Объектом статьи является позднее *стихотворение С. А. Есенина «Вечер черные брови насопил...»*, в котором представлены этос жиз-

ни и этос смерти. В данной работе разделяем хайдеггеровское понимание этоса как места пребывания, жилища, *на-селенной вселенной* [26, с. 214–215] вслед за филологом и культурологом В. П. Океанским [19, с. 127].

Стихотворение 1923 года «Вечер черные брови насопил...» рассматривалось исследователями в основном локально в контексте цикла / книги «Москва кабацкая», где оно является седьмым по счету в подцикле «Любовь хулигана» [2]. Редко литературоведов привлекали отдельные стихотворения, которые анализировались самостоятельно [5]. Интересующий нас лирический текст представляет собой предпоследнее стихотворение в книге, которая завершается известным, ставшим хрестоматийным, «Не жалею, не зову, не плачу...», и, возможно, поэтому обделено филологическим вниманием. Однако оно является частью того подцикла, который, по тонкому наблюдению Э.Б. Мекша, воплощает собой кульминацию книги [18, с. 108]. Итак, обратимся к первым строчкам стихотворения:

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера? [9, с. 199]

Эти строчки, как и упоминание черемухи в данном тексте, связаны, по мнению есениноведов, с *усадебным топосом* в творчестве поэта [22, с. 203]. Однако, как нам кажется, здесь косвенно не только реализуется усадебный текст, но и проявляется онтологический план, выраженный через архетипическую космогонно-эсхатологическую ситуацию приближающихся коней в надвигающемся вечере. Во-первых, здесь важен сам вектор движения, в этих строчках много движения: вечер нахмурился, *насутил* брови, значит, наступает ночь; кони уже ожидают лирического героя, который в онтологическом смысле чувствует эту надвигающуюся опасность, которая в тексте выражена в апофатическом относительном местоимении с семантикой неопределенности «чьи-то». Именно такие местоимения создают эффект затемненности, завуалированности смысла в поэтическом языке [3, с. 67]. Во-вторых, образ коня в поэзии начала XX века, конечно, связан с *космогонно-эсхатологическим мифом* («Конь блед» В. Брюсова), и тут важно подчеркнуть, что одно неотделимо от другого, космос — от хаоса [6]. Конь связан как с сакральными солярными представлениями о мире в архаической фольклорной традиции, с которой, безусловно, был хорошо знаком Есенин и которая инспирировала его художественное бытие, так и с *иномиром*, со смертью, например, если мы говорим о явлении коня во сне [10, с. 157]. В-третьих, лирический герой задает вопросы, превращающиеся на языке онтологии в предельные вопросы *вопрошания*, не предполагающие прямого ответа или вовсе ответа: «Не вчера ли я молодость пропил? // Разлюбил ли тебя не вчера?» [9, с. 199]. Апофатический горизонт в данном случае нельзя достичь через катафатическое пространство текста: «...ценность

“предельного вопрошания” не содержится в ответе, а именно в удержании напряженности вопроса, который остается открытым без окончательного ответа» [12, с. 42].

Во второй строфе этот апофатический градус повышается:

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда. [9, с. 199]

Нарастает напряжение, ощущение неопределенности: появление здесь больничной койки может вводить и актуализировать *морбуальный подтекст*, о котором так любят писать сегодня исследователи, а может и не делать этого. Но очевидно одно: герой так или иначе вырывается из этого лиминального, то есть пограничного состояния:

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек. [9, с. 199]

Может быть, латентно возникающий здесь больничный текст связан не столько с болезнью в том значении, о котором сегодня пишут (измененное состояние психики поэта, диагноз, который ему навязывали), сколько с болезнью (болью, здесь ставим вопрос, см. известное начало поэмы «Черный человек») как предсмертным испытанием. Именно о таком экзистенциальном смысле болезни писал Рудольф Штейнер, немецкий философ и антропософ, на лекции которого ходили многие представители творческой интеллигенции Серебряного века. Так, философ в лекции о болезни призывает сменить вектор зрения в болезни и через болезнь от тела — в сторону души, метафизических проблем человечества: «Человечество становится глупее. Оно могло бы вновь обрести разумность, если бы оно перестало ориентироваться на тело, если бы оно овладело настоящей духовной наукой» [27, с. 121]. Есенинский герой также через морбуальное предсмертное состояние косвенно указывает нам на возможность *оздоровления* через смерть, которая мыслится им как нечто временное, точка перехода, что, в сущности, совпадает со славянскими представлениями о душе после смерти.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя. [9, с. 199]

Неслучайно у Есенина о болезни заявлено не напрямую. Болезненное состояние выражено в апофатическом «мрачные силы», в форме *pluraliatantum*, которые носят космический характер: появление демонологических существ спровоцировано нарушением установленных правил в быту и на празднике, где среди прочего отмечается злоупотребление спиртными

ми напитками [17, с. 39] («Не вчера ли я молодость пропил?»). Исходя из нововременных представлений о демоническом, о болезнях, которые могут исходить от демона, из их невидимого выражения, приходим к выводу о том, что есенинский герой находится в борьбе с *невидимым* и вечным. В раннее Новое время эта проблема начинает активно обсуждаться [16, с. 29–30] и находит свое выражение как в различных специальных трактатах (Я. Пратенсис, «О болезнях мозга»; Р. Бертон, «Анатомия меланхолии»), так и визуально, в сюжетах, связанных с падением восставших ангелов (Иероним Босх, Питер Брейгель Старший), в которых реализована фигура визуального умолчания, редукции демонического тела с целью изобразить его невидимую сторону. В отечественной словесности, в «Повести о Петре и Февронии Муромских», жене князя является невидимый гость, который видим лишь княгине: «*И являлся он ей в своем естественном облике*, а людям, приходящим к князю, являлся князем, сидящим с женою своею. В таковом наваждении протекло немало времени. Жена этого не таила и рассказала обо всем князю, мужу своему» [20, с. 333]. Петр же вступает в борьбу с этим демоном и, побеждая его, становится тяжелобольным — такова цена победы. Эта болезнь, струпья на теле, вызвана *кровью существа нижнего мира*, но если бы не было этой борьбы и болезни, то князь Петр не стал бы тем, кем он стал, святым глубоко верующим человеком. Здесь болезнь также апофатична, и именно через нее герой проживает свой *инициационный путь* и совершает *восхождение по духовной лестнице*. Интересно то, что в европейской традиции находим трактат Жана Бодена «О демономании колдунов», где рассказывается о союзе женщины и невидимого демонического существа: «...была одна ведьма, которую обычно сопровождал дьявол прямо рядом с ее мужем, но последний этого не замечал» (цитата по Махову [16, с. 30]). Но в древнерусском тексте стоит обратить внимание и на фигуру Февронии, *чудесной девы*, которая уподобляется *вещей невесте* из русской волшебной сказки и наставляет героя на этот инициационный путь.

Представляется неслучайным и у Есенина также появление образа возлюбленной, имеющей идеальную софийную природу в творчестве поэта [14]. Весьма вероятно, что спасение от болезни, выход из мрака может произойти в любви, которая приобретает здесь *высокий модус*:

Пусть я буду любить другую,
Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой. [9, с. 200]

Характерное для поэтики Есенина разделение на любимую *земную*, милую (см. стихотворение «Вижу сон, дорога черная...»), и любимую *недостижимую* [8] приобретает здесь особый смысл, жизнь делится на «до» и «после», на что обращали внимание исследователи «Москвы кабацкой» [2, с. 104], но это *после* — после смерти, жизнь в зонах времени, в метаистории:

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела? [9, с. 200]

Очевидно, что здесь оксюморон — былая *не былая* жизнь, но в этом и есть апофатизм ситуации, изменение прошлого в настоящем или то, что принято обозначать как *Futureinthepast*. Последняя строфа заканчивается вопросом-*вопрошанием*, не имеющим ответа, но предполагающим выход из кризиса, из болезни — в любовь и, потенциально, в *смерть*. Таким образом этос жизни соединяется с этосом смерти. В этом контексте становится понятным хрестоматийное и завершающее книгу: «Будь же ты вовек благословенно, что пришло процветать и умереть».

Вывод.

Выполненный онтогерменевтический анализ известного стихотворения С. Есенина «Вечер черные брови насопил...» является ценным в первую очередь с точки зрения не филологической, а культурфилологической, поскольку через художественное слово мы приближаемся к пониманию проблемы апофатики культуры, феномена болезни в апофатическом ключе, который заслуживает отдельного внимания. Не только смерть априори апофатична, но и болезнь, которая, как ни странно, может иметь аксиологический смысл, то есть она наделена ценностным характером и смыслопорождающей функцией в культуре. Художники слова, в частности Есенин, пошли не по пути десакрализации смерти и души человеческой, от чего в начале XX века предостерегал философ и антропософ Р. Штейнер (позднее о метафизической отрешенности и ресакрализации тела писал и Ж. Бодрийяр [4, с. 167–170]), а по пути, который потенциально предлагает и русская сказка с поисками «киного царства», прорывом от тьмы к свету через смерть, и христианская этиология болезни, в которой недуг мыслится амбивалентно, как наказание и как дар, возможность пройти свой инициационный путь. Апофатика болезни (и смерти) — бессознательный ответ человечества самому себе на свою метафизическую отрешенность и уход от священного в мирское.

1. Асмолов, А. Г., Иванников, В. А., Магомед-Эминов, М. Ш. и др. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения // Человек. – 2020. – Т. 31, № 4. – С. 7–40.
2. Алексеева, А. А. «Москва кабацкая» С.А. Есенина как художественное единство // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 103–106.
3. Беглярова, А. Л. Неопределенное местоимение как компонент образной структуры художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 66–71.

4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 269 с.
5. Быкова, А. Л., Пяткин, С. Н. «Не жалею, не зову, не плачу...» как заключительное стихотворение книги С.А. Есенина «Москва кабацкая» // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2 (33). – С. 243–245.
6. Гирин, Ю.Н. Диалектика авангарда // Литературная классика в диалоге культур. Выпуск 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 119–147.
7. Гоголь, Н. В. Значение болезней // Собр. соч.: в 14 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 8. – С. 228–229.
8. Дударева, М.А. Поиски иного царства в стихотворении С.А. Есенина «Вижу сон. Дорога черная...»: апофатическая реальность // *Культура и цивилизация*. – 2019. – Т. 9, № 6А. – С. 151–156.
9. Есенин, С. А. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Наука; Голос, 1995. – Т. 1. – 672 с.
10. Лазарева, А. А. Толкование сновидений в народной культуре. – М.: РГГУ, 2020. – 257 с.
11. Леденев, А. В. Смещенные состояния сознания и способы их передачи в романе Владимира Набокова «Защита Лужина» // Мир русскоговорящих стран. – 2019. – № 2. – С. 62–65.
12. Логинова, М. А. Онтология выразительности в культуре XX века: дис. ... д-ра филос. наук. – Саранск, 2003. – 366 с.
13. Малахова, А. С. Человек и болезнь в повседневной жизни Древней Руси (X – начало XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2011. – 26 с.
14. Малыгина, Н.М. Образ идеальной возлюбленной в творчестве Сергея Есенина и Андрея Платонова // Есенинская энциклопедия. – М.-Константиново-Рязань: Пресса, 2010. – С. 387–404.
15. Марков, Б. В., Сергеев, А. М., Бочарников, В. Н. Феномен пандемии сквозь призму метафизического, антропологического и социального измерений // Человек. – 2020. – Т. 31, № 3. – С. 7–24.
16. Махов, А.Е. Diabolus absconditus: непредсказуемость, неопределенность и невидимость демонического тела в иконографии и текстах раннего Нового времени // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах № 7. – М.: РГГУ, 2018. – С. 9–36.
17. Махрачева, Т. В., Ивановская, А. С. Народная демонология на территории Тамбовской области // Филологическая регионалистика. – 2014. – № 2 (12). – С. 38–41.
18. Мекш, Э. Б. Сюжетно-композиционная система книги стихов С. Есенина «Москва кабацкая» // Сюжетосложение в русской литературе. – Даугавпилс: ДПИ, 1980. – С. 105–113.
19. Океанский, В. П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // Соловьевские исследования. – 2011. – Вып. 3 (31). – С. 125–136.
20. Повесть о Петре и Февронии // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). – М.: Советская Россия, 1982. – С. 331–344.
21. Севастьянова, С. К. Концепт «болезнь» и концепция болезни в сборнике «Великое зеркало» // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 32–49.
22. Скороходов, М. В. «Низкий дом» и «дом с мезонином» — две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5, № 1. – С. 194–211.
23. Суворова, О. С. Является ли здоровье личностной ценностью? // Философская мысль. – 2017. – № 2. – С. 84–98.
24. Трубецкова, Е. Г. «Новое зрение». Болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. – М.: НЛЮ, 2019. – 160 с.
25. Туленинова, Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 248 с.
26. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
27. Штейнер, Р. Пятая лекция, 13 декабря 1922 г. Глаза. Цвет волос // Здоровье и болезни. Основы теории чувственного восприятия. – Ереван: Лонгин, 2011. – С. 102–123.

**АПОPHATIC OF A DISEASE.
LIFE AND DEATH ETHOSES IN THE POEM BY S. YESENIN
“EVENING DREW TOGETHER ITS BLACK EYEBROWS...”**

© 2021 M.A. Dudareva

Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, senior lecturer of the Department of Russian language no. 2 of the FRYA and OD.

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru
Peoples' Friendship University of Russia.
Moscow, Russia

Subject of the article: apophatic of a disease. The article examines how the apophatic of culture is implemented through a literary work, namely, the apophatic component of a disease phenomenon is studied. *Object of the article:* a later poem by S.A. Yesenin “Evening Drew Together its Black Eyebrows...” Many researchers refer to this lyric text, but consider it only in the context of the book “Tavern Moscow”. However, this poem is of particular value in the cultural-philosophical understanding of the phenomenon of disease and death in the Russian version of logocentrism. *Research methodology:* a holistic ontohermeneutic analysis of a literary text with the use of a semantic research method. *Results:* the analysis of Yesenin’s later poem, identification of its ontological meaning, ethos of life and death allow raising the issue of a disease phenomenon in poetics, which is apophatic in nature, and this requires additional culturological commentary. Drawing parallels with the Russian fairy tale, turning to its otherworldly paradigm seems productive, since Russian folklore inspired the poet’s artistic life. In the Russian fairy tale, the search for “another kingdom” presupposes the resolution of the issue of temporary death and rebirth in a new capacity. The appeal to philosophical reflections on the axiological status of a disease of the German philosopher Rudolf Steiner, whose ideas were close to the representatives of the Silver Age, is also productive, since the anthroposophist highlights the apophatic side of the disease, endowing it with meaning-generating functions.

Keywords: apophatic, illness, ontology, S. Yesenin's works, Russian folklore, R. Steiner, "The Tale of Peter and Fevronia of Murov", demonology.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-76-87-91

1. Asmolov, A. G., Ivannikov, V. A., Magomed-Jeminov, M. Sh. i dr. Kul'turno-dejatel'nostnaja psihologija v jekstremal'noj situacii: vyzov pandemii. Materialy obsuzhdenija (Cultural and activity psychology in an extreme situation: the challenge of a pandemic. Discussion materials) // *Chelovek*. – 2020. – T. 31, № 4. – S. 7–40.
2. Alekseeva, A. A. «Moskva kabackaja» S.A. Esenina kak hudozhestvennoe edinstvo ("Moscow tavern" by S.A. Yesenin as an artistic unity) // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. – 2015. – № 3. – S. 103–106.
3. Begljarova, A. L. Neopredelennoe mestoimenie kak component obraznoj struktury hudozhestvennogo teksta (An indefinite pronoun as a component of the figurative structure of a literary text) // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Filologija i iskusstvovedenie*. – 2011. – № 2. – S. 66–71.
4. Bodrijjar, Zh. Obshhestvopotreblenija. Ego mifystrukturny (Consumer Society. Its myths and structures). – M.: Kul'turnajarevoljucija, Respublika, 2006. – 269 s.
5. Bykova, A.L., Pjatkin, S.N. «Ne zhaleju, ne zovu, ne plachu...» kakzakljuchitel'noestihotvorenienknigi S.A. Esenina «Moskva kabackaja» ("I don't regret, I don't call, I don't cry ..." as the final poem of S.A. Yesenin "Moscow tavern") // *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija*. – 2012. – № 2 (33). – S. 243–245.
6. Girin, Ju.N. Dialektikaavangarda (Dialectics of the avant-garde) // *Literaturnajaklassika v dialogekul'tur*. Vypusk 1. – M.: IMLI RAN, 2008. – S. 119–147.
7. Gogol', N. V. Znachenie boleznej (The value of diseases) // *Sobr. soch.*: v 14 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. – T. 8. – S. 228–229.
8. Dudareva, M. A. Poiski inogo carstva v stihotvorenii S.A. Esenina «Vizhu son. Doroga chernaja...»: apofaticheskaja real'nost' (The search for "another kingdom" in S. A. Yesenin's poem "I See a Dream. The road is black ...": apophatic reality) // *Kul'tura i civilizacija*. – 2019. – T. 9, № 6A. – S. 151–156.
9. Esenin, S. A. *Sobr. soch.*: v 7 t. (Coll. cit.: in 7 volumes). – M.: Nauka; Golos, 1995. – T. 1. – 672 s.
10. Lazareva, A.A. Tolkovanie snovidenij v narodnoj kul'ture (Interpretation of dreams in folk culture). – M.: RGGU, 2020. – 257 s.
11. Ledenev, A.V. Smeshhennye sostojanija soznanija i sposoby ih peredachi v romane Vladimira Nabokova «Zashhita Luzhina» (Displaced states of consciousness and methods of their transmission in the novel by Vladimir Nabokov "Luzhin's Defense") // *Mir russkogo vorjashhij stran*. – 2019. – № 2. – S. 62–65.
12. Loginova, M. A. Ontologija vyrazitel'nosti v kul'ture XX veka (Ontology of expressiveness in the culture of the XX century): dis. ... d-ra filos. nauk. – Saransk, 2003. – 366 s.
13. Malahova, A. S. Chelovek i bolezni v povsednevnoj zhizni Drevnej Rusi (X – nachalo XVII v.) (Man and disease in the everyday life of Ancient Russia (X - early XVII century)): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – Stavropol', 2011. – 26 s.
14. Malygina, N. M. Obraz ideal'noj vozljublennoj v tvorcestve Sergeja Esenina i Andreja Platonova (The image of the ideal lover in the work of Sergei Yesenin and Andrei Platonov) // *Eseninskaja jenciklopedija*. – M.-Konstantinovo-Rjazan': Pressa, 2010. – S. 387–404.
15. Markov, B.V., Sergeev, A.M., Bocharnikov, V.N. Fenomen pandemii skvoz' prizmu metafizicheskogo, antropologicheskogo i social'nogo izmerenij (The phenomenon of a pandemic through the prism of metaphysical, anthropological and social interaction) // *Chelovek*. – 2020. – T. 31, № 3. – S. 7–24.
16. Mahov, A.E. Diabolusabsconditus: nepredskazuemost', neopredelennost' invidimost' demonicheskogo tela v ikonografii i tekstah rannego Novogo vremeni (Diabolusabsconditus: unpredictability, uncertainty and invisibility of the demonic body in the iconography and texts of the early modern era) // *In Umbra: Demonologijakaksemioticheskajasistema: Al'manah* № 7. – M.: RGGU, 2018. – S. 9–36.
17. Mahracheva, T.V., Ivanovskaja, A.S. Narodnaja demonologija na territorii Tambovskoj oblasti (Folk demonology on the territory of the Tambov region) // *Filologicheskajaregionalistika*. – 2014. – № 2 (12). – S. 38–41.
18. Meksh, Je.B. Sjuzhetno-kompozicionnajasistemaknigistihov S. Esenina «Moskva kabackaja» (Plot-compositional system of the book of poems by S. Yesenin "Moscow tavern") // *Sjuzhetoslozhenie v russkoj literature*. – Daugavpils: DPL, 1980. – S. 105–113.
19. Okeanskij, V. P. Jetosy zhizni i smerti u Homjakova i Shopenhauera (kul'turologicheskie razmyshljenija k obosnovaniju sopotavlenija) (Ethos of life and death in Khomyakov and Schopenhauer's works (cultural reflections to proof of comparison)) // *Sol'evskieissledovanija*. – 2011. – Vyp. 3 (31). – S. 125–136.
20. Povest' o Petre i Fevronii (The Tale of Peter and Fevronia) // *Drevnerusskie predanija (XI–XVI vv.)*. – M.: Sovetskaja Rossija, 1982. – S. 331–344.
21. Sevast'janova, S. K. Koncept «bolezni» i koncepcija bolezni v sbornike «Velikoe zercalo» (Concept "disease" and the concept of disease in the collection "Great Mirror") // *VestnikTomskogogosudarstvennogouniversiteta*. – 2017. – № 425. – S. 32–49.
22. Skorohodov, M. V. «Nizkijdom» i «dom s mezoninom» — dve modeli «russkogo mira» v tvorcestve Sergeja Esenina ("Low house" and "house with a mezzanine" - two models of the "Russian world" in the work of Sergei Yesenin) // *Studia Litterarum*. – 2020. – T. 5, № 1. – S. 194–211.
23. Suvorova, O. S. Javljaetsja li zdorov'e lichnostnoj cennost'ju? (Is health a personal value?) // *Filosofskajamysl'*. – 2017. – № 2. – S. 84–98.
24. Trubeckova, E. G. «Novoezrenie». Bolezni kak priem ostraneniya v russkoj literature XX veka ("New vision". Illness as a method of defamiliarisation in Russian literature of the XX century). – M.: NLO, 2019. – 160 s.
25. Tuleninova, L. V. Koncepty «zdorov'e» i «bolezni» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah (Concepts "health" and "disease" in English and Russian linguocultures): dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2008. – 248 s.
26. Hajdegger, M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija (Time and Being: Articles and Speeches). – M.: Respublika, 1993. – 447 s.
27. Shtejner, R. Pjatajalekcija, 13 dekabrja 1922 g. Glaza. Cvetvolos (Fifth Lecture, December 13, 1922 Eyes. Hair color) // *Zdorov'eibolezni. Osnovy teorii chuvstvennogo vosprijatija*. – Erevan: Longin, 2011. – S. 102–123.